

На следующий день Министр финансов Ван Чжэнь, получив высочайшее повеление, отправился в Цычжоу. От Шэнцзиня до Цычжоу верхом на резвом коне можно было добраться за день с небольшой загвоздкой, но Ван Чжэню со спутниками на этот путь требовалось два-три дня.

В тот день Цзи Чжи снова собрал нескольких чиновников из инспекционного посольства. Однако, когда Тан Шэнь собрался подняться со своего места, Цзи Чжи тихо вымолвил:

— Господин Тан, вам лучше не двигаться.

Тан Шэнь поднял взгляд.

— Не стоит сходитья слишком близко с Су Вэньюнем, господин Тан. Это мой последний искренний совет.

К концу восьмого месяца на севере полили непрерывные проливные дожди, затопляя город за городом.

На улицах города Цычжоу слышался только барабанный шум дождя, да изредка мелькали чиновники в чиновничьих халатах, спешившие по делам из одного конца города в другой.

Неизвестно когда, но в городе Цычжоу отчётливо оформились три группировки. Первую, разумеется, составляло инспекционное посольство во главе с инспектором Цзи Чжи. Вторую — группа местных чиновников во главе с градоначальником Цычжоу Чжан Фэном, которые провели в городе Цычжоу уже не один месяц, а то и дольше. И третью — чиновники во главе с Су Вэньюнем, не примкнувшие ни к первой, ни ко второй стороне.

Су Вэньюнь был ревизором и не имел прямого отношения к строительству тракта в Цычжоу. Но и к инспекционному посольству он не примыкал. Из-за этого его положение казалось весьма двусмысленным.

Впрочем, кроме этих троих, в городе оставался человек в ещё более неловком положении. Это был Тан Шэнь.

О чиновниках из фракции Чжан Фэна и Сэ Чэна Тан Шэню даже задумываться не приходилось — к ним он точно не имел отношения. О группировке Су Вэньюня и говорить нечего. Су Вэньюнь спрятал ту самую двойную бухгалтерию в комнате Тан Шэня, фактически толкнув его в огненную геенну, а после при встрече с Тан Шэнем даже виду не подал, будто в ту ночь вообще не пробирался тайком в его покои.

Что касается инспекционного посольства, Тан Шэнь поначалу принадлежал к ним, но, к несчастью, Цзи Чжи откуда-то узнал о его тайных контактах с Су Вэньюнем и стал исподволь отстранять Тан Шэня от дел.

Однажды утром Тан Шэнь вышел из управы градоначальника, раскрыв бамбуковый зонт, и подошёл к лавке с паровыми пирожками поблизости.

— Дайте два баоцзы с пастушьей сумкой.

— Сию минуту!

Торговец завернул обжигаяще горячие баоцзы в промасленную бумагу и подал Тан Шэню. Заметив на нём чиновничий халат, он осторожно спросил:

— Уважаемый господин, вы, должно быть, из управы?

— Именно так.

— Моя лавка стоит аккурат напротив управы, но я отродясь не видывал столь статного и благородного чиновника. Судя поговору, вы не из Цычжоу?

— Я из Цзяннаня.

— То-то и оно.

Делать всё равно было нечего, поэтому Тан Шэнь просто присел в лавке и неспешно заговорил с торговцем о всякой всячине.

Когда заместитель министра Приказа общественных работ Сэ Чэн и градоначальник Цычжоу Чжан Фэн вышли из управы, издалека перед ними предстала эта картина: молодой чиновник в темно-красном халате сидел в полутёмной лавчонке, уплетал пирожки и непринуждённо беседовал с простым горожанином. Чжан Фэн указал пальцем:

— Это... кажется, господин Тан Шэнь?

Сэ Чэн бросил взгляд и хмыкнул:

— И чем только занимается.

— Цзи Чжи и остальные, кажется, перестали с ним общаться из-за того, что он сблизился с Су Вэньюнем.

Сэ Чэн лишь коротко отозвался, и оба удалились.

Внутри города Цычжоу на поверхности всё казалось спокойным, но под гладью бурлили подводные течения.

Поздней ночью того же дня инспектор Цзи Чжи неожиданно отдал приказ арестовать чиновника Приказа чинов Юэ Цыгуана. Юэ Цыгуан обомлел, лицо его мгновенно побледнело. Чжан Фэн, услышав это, поразился:

— Господин Цзи, что всё это значит?

Цзи Чжи холодно ухмыльнулся и швырнул на пол золотой листочек, сурово возопив:

— Что это значит? Сперва я должен спросить у господина Юэ: соизвольте объяснить, что это такое! Господин Юэ, вы прибыли в Цычжоу четыре месяца назад для регулирования людских потоков на строительстве тракта. С собой вы привезли семейство. Вполне естественно, ведь строительство казённого тракта Сичжоу за год-полтора не завершить. А этот золотой листочек месяц назад ваш почтенный сын пожаловал куртизанке в публичном доме города Цычжоу!

Все ахнули от изумления. Чжан Фэн в ошеломлении переспросил:

— Господин Юэ?

Юэ Цыгуан остолбенел и заикаясь произнёс:

— Это... это приданое моей супруги! Неужто... неужто здесь что-то не так?

— Взять его! Я посмотрю, откуда у вашей супруги, обычной крестьянской дочери, взялось приданое из золотых листьев!

Юэ Цзыгуан плюхнулся на землю и застыл без единого звука.

Чжан Фэн тут же велел стражникам увести арестованного.

Не успели присутствующие перевести дух, как Цзи Чжи добавил:

— Что касается господина Гао, то и с ним лучше прояснить всё прямо сейчас.

Услышав обращение «господин Гао», заместитель министра Приказа общественных работ Сэ Чэн дёрнул глазом и, повернувшись к Цзи Чжи, с улыбкой спросил:

— Господин Гао? Которого из господ Гао вы имеете в виду?

— Чиновника Отдела Юйбу Приказа общественных работ Гао Вэя.

— И что с Гао Вэем?

Цзи Чжи подал знак подчинённым и достал пухлую стопку расписок и книг долгов. Сэ Чэн взглянул на записи; лицо его потемнело, и он умолк. Гао Вэй был тем самым чиновником, который полмесяца назад отправился в Шэнцзин, чтобы донести императору об обрушении Моста через реку Цзинхэ. Сам он до сих пор находился в Шэнцзине, однако доказательства его вины были неопровержимы. В тот же день Цзи Чжи составил докладную записку с подробным перечислением преступлений Юэ Цзыгуана и Гао Вэя и ночью же отправил её в Шэнцзин.

Нёсшийся во весь опор конь выбивал грязь из размокшей дороги, и на следующий день, на самом рассвете, послание легло на письменный стол Чжао Фу.

На утреннем приёме Чжао Фу снова пришёл в неистовую ярость. Докладные записки полетели на пол, а сановники стояли, опустив головы, и не смели даже вздохнуть.

После завершения приёма Министр ритуалов Мэн Лан, маша ладонью словно веером, со вздохом сказал подчинённым:

— Ван Цзыфэну хорошо, вовремя уехал! Отбыл в Цычжоу и раньше чем через дней пять-шесть не вернётся. А вот нам не поздоровилось: Государь в гнев срываёт злость на нас.

Заместитель министра Приказа ритуалов усмехнулся:

— Министр финансов отправился в Цычжоу, так сказать, в наказание — искупать вину делами.

Мэн Лан фыркнул:

— Его? И понизить в должности? Скорее золото с неба повалит. Эх, когда уже принесут отвар из сливы, жара стояла такая, что хоть умирай.

В Поместье Фу на востоке города Шэнцзин, в заднем саду, Фу Вэй повесил птичью клетку на ветку дерева и аккуратно кормил птицу. В клетке сидела редкая канарейка — пугливая и избалованная. Фу Вэй долго её заманивал, прежде чем пичуга согласилась отклевать немного корма. Едва она клюнула пару раз, как за стеной раздался оглушительный топот множества ног. Канарейка в испуге отпорхнула вглубь клетки.

Фу Вэй насупил брови:

— Что происходит? Какое ещё войско бесчинствует снаружи и тревожит людей?!

Полчаса спустя Мальчик-цитрист прибежал обратно, задыхаясь, и сообщил:

— Хозяин, хозяин! Я всё разузнал! Случилась беда у господина Гао, чиновника Приказа общественных работ, из соседнего переулка! Императорская гвардия во главе отряда закованных в броню воинов обыскала и конфисковала весь его дом! Семья Гао в полном шоке, говорят, старая госпожа Гао и вовсе лишилась чувств!

— Подумаешь, обыск и конфискация! Разве из-за этого можно нарушать покой и мешать мне кормить птицу? Что за неотёсанные солдафоны!

Мальчик-цитрист подумал про себя: «Людей пустили по миру, там трагедия и кровь рекой, а вы всё о своей птице печётесь! Ну и бессердечный же вы человек!»

Фу Вэй отряхнул руки:

— Пойдём, вылезем поглядим.

Мальчик-цитрист опешил:

— Хозяин?

— Пойдём посмотрим на представление!

— Есть!

За один-единственный день дома Гао Вэя и Юэ Цыгуана были обшарены и разорены дочиста.

Гонец, отправленный в Шэнцзин, вернулся в город Цычжоу тем же вечером и сообщил Цзи Чжи о том, что император направляет новых людей. Цзи Чжи изумился:

— Государь снова отправил людей в Цычжоу?

Стражник ответил:

— Так точно. По слухам, отряд возглавляет Министр финансов Ван Цюань, они выехали ещё вчера утром. Я встречал экипаж Ван Цюаня в пути; судя по их скорости, уже завтра они будут здесь.

Когда Тан Шэнь вошёл в помещение снаружи, он как раз столкнулся со стражником, выходящим из комнаты.

Цзи Чжи поначалу собирался что-то сказать, но, увидав Тан Шэня, умолк и не произнёс ни слова.

Тан Шэнь беспомощно усмехнулся, а когда управа закрылась, под зонтом вернулся на постоянный двор. В небе прогрехотал глухой раскат грома. Тан Шэнь распахнул окно: дождь пока не шёл, но небо нависло мрачными грозowymi тучами, и порывистый сильный ветер трепал его волосы, развевая их назад.

Тан Шэнь тихо прошептал:

— Надвигается буря — ветер бушует в башне.

С этими словами он затворил дверь и задул свечу.

Наступила ночь. Кругом царила гробовая тишина. Перед самым началом бури лишь свирепый ночной ветер с силой, способной, казалось, сорвать крыши с домов, яростно бился в двери и окна. Неожиданно через ограду постоянного двора ловко перемахнули несколько тёмных фигур. Действуя стремительно и бесшумно, они подобрались к двери комнаты Тан Шэня. Один из них достал лезвие, умело просунул его в дверную щель и отпер засов.

<http://bllate.org/book/18292/1754549>